

Сергей Зверев

Приговор олигарху

Сергей Иванович Зверев
Приговор олигарху
Серия «Жиган», книга 9

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=171087

Сергей Зверев. Жиган против террористов: Эксмо; Москва; 2000

ISBN 5-04-005828-4

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	11
Глава 3	21
Глава 4	30
Глава 5	45
Глава 6	56
Конец ознакомительного фрагмента.	62

Сергей Зверев

Приговор олигарху

Глава 1

Константин лежал в больничной палате и наблюдал, как солнечный луч переползал со стены на его кровать. Думать ни о чем не хотелось.

Вспоминать о том, как он спас свой родной город от террористического акта, обезвредив группу головорезов, пытавшихся взорвать запрудненский крытый рынок, тоже не хотелось. Это уже ушло в прошлое, подернулось туманом и проступало в памяти лишь неясными общими чертами.

Вспоминалась только Наташа. Отношения с ней разладились, хотя и не испортились окончательно. Константин никак не мог забыть ее жесткого взгляда, когда она кричала ему в лицо, что он эгоист, не думает о ней, о ее карьере на телевидении... Речь шла о том, что ей не удалось снять, как Константин едва не погиб... Константину, который, побывав в Запрудном, вспомнил свою прежнюю кличку – Жиган, – непонятно было ее возмущение. Он рисковал жизнью, он попал в ситуацию, из которой едва выкарабкался живым, а Наташа... Она переживала лишь из-за того, что не сумела всего этого снять на пленку. Бред какой-то.

А еще Константин не мог забыть, что Наташа активно контактировала с ФСБ, старалась следить за ним, за его действиями. И опять только для того, чтобы сделать свой дурацкий фильм. Она фактически предала его, хотя сама ФСБ не помешала ему, да и не имела целью помешать выполнить задачу, защитить город от чеченских террористов.

Но Наташа была рядом с ним, значит, она должна была играть в его команде, а не в другой, пусть даже команде союзников.

Ему удалось обнаружить на складе рынка начиненную взрывчаткой машину. Он успел вывести ее за город и загнать в пруд. Сам он оказался слишком близко от эпицентра взрыва. Его подхватило взрывной волной и отбросило на несколько десятков метров к шоссе.

И ничего – жив остался. Оглух вот только на время. Но врачи все-таки молодцы. Не зря он тут валяется, теперь слышит уже совершенно нормально. А на том, что глухой был, даже и сыграть иной раз можно.

Вчера, например, приходила Наташа. Она еще не знает, что Константин слышит все. Она что-то говорила, Костя смотрел, как шевелятся ее губы, но понимать ничего просто не хотел. Наташа отчего-то вдруг заплакала и, наклонившись к нему, поцеловала.

Он не испытал никакого чувства к ней в тот момент.

«Чужая женщина, – подумал он. – Она для меня – чужая женщина!»

Он молчал, и Наташа начала понимать, что с ним что-то произошло. Она поняла все правильно. Он не любит ее. Он не понимает теперь, почему они так долго были вместе. Ну что ж, пусть считает, что Константин – такой же, как все мужики – поматросил и бросил, как говорится. Ничего, не умрет, поплачет и успокоится... Не может и не хочет он ей объяснять настоящую причину.

Наташа ушла расстроенная и испуганная его молчанием. А ему просто не хотелось нарушать тишину, которая воцарилась в его душе.

Тишина и спокойствие, ничего ему больше не нужно.

«Наверное, это старость, Костя, – подумал Панфилов, но тут же себе возразил: – Какая, к черту, старость! Ты в зеркало на себя посмотри – здоровый бугай, любому молодому сто очков вперед дашь! Нашел, тоже мне, старика! Не смейся народ!»

Солнечный луч вдруг куда-то исчез. Константин бросил быстрый взгляд на окно.

И вовремя.

Легкая занавеска, которая защищала от прямых солнечных лучей, мешала рассмотреть снаружи, что делается в палате. На ней Константин увидел отчетливую тень человека.

Через секунду его уже не было на кровати. Константин мгновенно скатал одеяло и сунул его под простыню. Схватив десятикилограммовую гантель, с которой он ежедневно делал разминку, Константин притаился у окна, прижавшись

спиной к стене.

Он не ждал «гостей». Он даже предположить не мог, кто бы это к нему пожаловал. Но раз уж пришли, он встретит их как подобает.

Намерения неожиданных визитеров не оставляли сомнений. Окно тихо задребезжало и приоткрылось.

Их оказалось двое. Первый успел спрыгнуть с подоконника на пол. Константин увидел руку с зажатым в ней пистолетом с глушителем на стволе. Человек, державший пистолет, был в темной трикотажной маске.

Едва он приземлился на пол палаты, как тут же выстрелил в скатанное одеяло на кровати Константина.

Ждать дальше было нельзя. Нападавшие свой ход сделали. Теперь очередь за Константином.

Быстрым движением он опустил руку с гантелью на затылок незваного визитера. Раздался характерный хруст проламываемой кости, и человек в маске упал на пол рядом с кроватью Константина.

Жиган бросился к окну. Легкий хлопок второго выстрела заставил его отпрянуть в сторону. Второй нападавший, не сумевший подстраховать первого, успел выпрыгнуть наружу. Со второго этажа Константину хорошо видна была его спина и точно такая же шапочка, как и у первого. Человек добежал до угла больничного корпуса и скрылся за ним. Константин так и не рассмотрел его. Узнать его он теперь не смог бы, даже столкнувшись нос к носу.

Зато можно было рассмотреть того, который остался, хоть и не по своей воле, в палате.

Константин нагнулся над ним и сдернул маску. Побледневшее молодое лицо, небритые щеки, короткий рыжий «ежик», слегка кривой нос – видно, в какой-то драке хороший удар пропустил. Ничего примечательного в его внешности не было. Такими Жиган и представлял себе киллеров, благо повидал их на своем веку немало.

«Любопытно, – подумал Константин. – Какого хрена они ко мне пожаловали? Может быть, ошиблись окном и не меня вовсе собирались убить, а кого-то другого, кто в соседней палате лежит?»

Жиган покопался в памяти, вспомнил всех своих соседей по палатам на втором этаже. Ни одной подходящей кандидатуры для того, чтобы на них могли охотиться. Все больше пенсионеры.

Нет, приходили именно к нему, к Константину Панфилову, к Жигану.

Но кому могла вновь понадобиться его жизнь?

Самое первое, что приходит на ум, – чеченцы. Он только что сорвал тщательно разработанный ими террористический акт в Запрудном. У них есть причины мстить Константину.

Но в эту версию ему почему-то не очень верилось. Может быть, потому, что лежащий на полу парень нисколько не походил на кавказца?

Впрочем, чеченцы могли и нанять кого-то здесь. В

Москве всегда много желающих выполнить подобного рода услуги – замочить заказанного человека, получить свои баксы и смыться, пока тебя тоже не шлепнули, чтобы оборвать концы.

Придется остановиться на том, что это были наемные убийцы, киллеры. Кто их послал – неизвестно, и узнать уже невозможно, поскольку пульс у рыжего парня не прощупывается. Все – отбросил концы.

«ГБ! – осенило вдруг Жигана. – Ну, конечно, это он! Из-за меня он лишился огромных денег и никогда не сможет мне этого простить. Это его заказ пытались выполнить мои сегодняшние гости. Ну что ж, Глеб Абрамович, настала пора нам с вами повидаться».

Но что же делать теперь Жигану? Поднимать шум, звать медперсонал и объяснять, что этот рыжий забрался к нему в палату с пистолетом и пытался его убить? Объяснять, что ударил его по голове гантелей не сильно, чуть-чуть, но не рассчитал удара, и тот благополучно загнулся?

Константин представил все неудобства подобных объяснений и поморщился.

«Да пошли вы!» – подумал он.

Константин поднял тело, положил его на свою кровать и принялся раздевать.

Константин просто сделает небольшую рокировку. Парень останется лежать вместо него в больнице, а Панфилов отправится в Москву. А что? Ждать еще одного визита? А

вдруг второй раз ему не повезет и убийцы окажутся более удачливыми?

Константин стащил с парня джинсы и кожаную куртку, примерил. Фасончик ему не понравился, но размер был тот самый – впору. Пистолет он сунул в карман куртки, предварительно свинтив с него глушитель – кто знает, вдруг пригодится.

Парня он повернул разбитым затылком к стене. Простынку пришлось натянуть на голову, чтобы не были видны испачканные кровью рыжие волосы.

Оглядев результаты своей работы, Константин остался удовлетворен. Пролежит несколько часов, и никто к нему не подойдет.

Константин приучил медсестер не трогать его, когда он спит. Молоденькие девчонки в белых халатах начинали дрожать, когда Константин смотрел на них исподлобья мрачным тяжелым взглядом, не понимая, на кой хрен ему пить эти дурацкие таблетки. Слышит-то он уже нормально.

Только было расслабился, просто отдохнуть собрался... И вот тебе, пожалуйста – спокойно полежать, о жизни подумать не дают, собаки! Лезут с пистолетами в окно, убить хотят! Черт знает что, а не жизнь!

Константин бросил прощальный взгляд на палату и вышел в коридор.

Через несколько минут он уже ехал на попутной машине в Москву.

Глава 2

Глеб Абрамович Белоцерковский, крупный российский нефтяной магнат, которого журналисты в своих статьях величали не иначе как олигархом, совсем недавно стал действующим депутатом Государственной Думы, хотя уже давно негласно вмешивался в ее работу, а порой влиял на принимаемые ею решения через нескольких «ручных» депутатов, полностью ему подконтрольных.

Решение стать депутатом ГБ (эту аббревиатуру к нему приклеили все те же досужие журналисты) принял в связи с тем, что уловил угрозу своему незыблемому, казалось бы, положению. Власть в России менялась, к руководству стремились другие люди, и кто знает, чем все это могло окончиться для него лично.

Он сидел на пленарном заседании Думы, на котором рассматривался чрезвычайно интересующий его вопрос об отмене депутатской неприкосновенности.

На рассмотрение этот законопроект внесла маленькая, но очень скандальная фракция, объединяющая сторонников чрезмерно радикальных экономических преобразований в России. ГБ никогда не стремился к радикализму, находя и в существующем раскладе множество весьма эффективных возможностей для упрочения своего лидирующего положения в сфере российского бизнеса.

Он прекрасно понимал, что рассматриваемый законопроект направлен во многом против него лично, и даже знал, что за его разработкой стоит один из наиболее сильных его конкурентов.

Белоцерковский нервничал, барабанил пальцами по столу и то и дело поглядывал на «своих» депутатов, которые должны были выдвинуть заранее продуманные аргументы против этого закона. Аргументы должны были настроить думское большинство на то, чтобы признать законопроект сырым, недоработанным и как следствие – отправить его на доработку в комиссию по законодательству, на которую ГБ имел достаточное влияние, чтобы похоронить этот законопроект навсегда.

Обсуждение шло неровно, авторы законопроекта отстаивали его с пеной у рта, переходя порой к личным оскорблениям. В адрес Глеба Абрамовича уже звучали прямые обвинения, которые, впрочем, доказаны быть не могли. Об этом ГБ всегда заботился, проводя «зачистки» везде, где только могли остаться следы его выходящей за рамки закона деятельности.

Белоцерковский нервничал, обдумывая, стоит ли подавать в суд иск о клевете на лидера одной из фракций, когда в проходе появился его помощник-референт и торопливо направился прямо к нему, не особенно обращая внимания на то, что происходило в зале.

– Глеб Абрамович, вам необходимо поговорить по теле-

фону, – прошептал помощник на ухо Белоцерковскому. – Это очень срочно!

ГБ посмотрел на него уничтожающе.

– С Ирака сняли экономические санкции и цена на нефть резко упала? – спросил он. – Если этого не произошло, то какого дьявола ты отрываешь меня от работы? Все остальное в данный момент несущественно.

– Существенно... – прошептал помощник. – Это очень существенно, поверьте...

Глеб Абрамович сумел вылезть из рядовых советских инженеров в российские олигархи во многом благодаря своей способности чувствовать опасность не хуже, чем крыса чувствует скорый конец корабля в океанской пучине. От слов помощника на него повеяло холодком, по спине пробежали мурашки.

ГБ решительно встал и направился к выходу. Его «ручные» депутаты недоуменно посмотрели ему вслед, но Белоцерковский шел не оглядываясь. Оратор на трибуне тут же принялся иронизировать по поводу его бегства из зала заседаний, обвинения в его адрес посыпались с новой силой.

«Рано оживились, придурки! – подумал ГБ, мысленно обращаясь к инициаторам законопроекта. – Ваш номер не пройдет. Мне нужно только узнать итоги предварительного голосования. Законопроект многим не нравится, не думаю, что мне придется покупать слишком много голосов в Думе, чтобы его провалить!»

Он велел помощнику остаться в зале и внимательно следить за ходом дебатов, а сам вышел в холл и поднес к уху телефон.

– Алло! Белоцерковский! – произнес он скороговоркой. – Кто это?

– Слушай внимательно, Абрамыч! – произнес голос в трубке. – Я не объявлял против тебя войну. Но ты вынуждаешь меня это сделать...

– Кто это говорит? – нервно спросил Белоцерковский. – Вы отдаете себе отчет в своих словах?

– Я знаю, что делаю! – уверенно произнес тот же голос. – И знаю, что делаешь ты! Учти, что одного из твоих людей я уложил в больницу вместо себя. Второй ушел. Я надеюсь, он расскажет, что ко мне тебе лучше не соваться. Слишком дорого обойдется. Я ведь о тебе многое знаю. И могу рассказать. Журналистам, например.

«Шантаж! – мелькнуло в голове у Белоцерковского. – Кто же это?»

– Давайте говорить серьезно, как деловые люди, – ответил Белоцерковский. – Я должен знать, кто вы и что имеете в виду. Иначе никакого разговора у нас не получится. Я на своем веку видел столько провокаций и попыток взять меня на пушку...

– Я тебя и без пушки достану, Белоцерковский, голыми руками! – В голосе невидимого собеседника появились жесткие нотки. – Мы с тобой знакомы давно, хоть и не виделись

никогда. Не припоминаешь? А помнишь Мошнаускаса, выполнявшего для тебя поручения, от которых несло гнилью и тюрьмой? Помнишь кассету, которую ты согласился отдать, хотя мне и пришлось тебя долго уговаривать?

Теперь уже не мурашки, а струйки холодного пота показались по спине Глеба Абрамовича. Рубашка сразу намокла и прилипла к спине.

– Давай без паники! – быстро сказал он. – Я понял, кто это, но совершенно не понимаю, о чем ты говоришь! Я забыл о твоём существовании, как о кошмарном сне! Я думал, что мы расстались и больше никогда не будем иметь друг с другом контактов. О каких моих людях ты говорил? Что за чушь? Я никого к тебе не посылал. Это какое-то недоразумение! Я готов встретиться и обсудить. Я готов... А, дьявол! Я готов на все, что угодно, лишь бы ты мне поверил!

Белоцерковский сообразил, что звонит ему тот самый Константин Панфилов, которого его люди потеряли после того, как он исчез из Москвы.

Если бы Белоцерковский знал, где искать Панфилова, он и в самом деле не задумываясь отдал бы приказ его ликвидировать. Но он не отдавал такого приказа! И о чем говорил сейчас этот сумасшедший, он понятия не имел. Но раз он объявился, надо использовать этот шанс, чтобы добраться до него и навсегда заткнуть ему рот.

Каким образом Панфилову стало известно о том, что Мошнаускас, которого он упомянул, работал на ГБ и вы-

полнял для того весьма щекотливые поручения, связанные с исчезновением мешающих ему людей, Белоцерковский не знал.

Панфилов, вымогая у него кассету с записью момента смерти самого крупного в то время конкурента ГБ, которая попала к тому после смерти Мошнаускаса, заявил, что Мошнаускаса убил именно он, Панфилов. Панфилов устроил настоящий террор, угрожая Белоцерковскому расправой, если тот не отдаст кассету. ГБ тогда очень явственно понял, что он, как и все остальные россияне, смертен и что смерть его может оказаться внезапной...

Пришлось отступить и передать кассету Панфилову. Кассета тут же попала в руки вдовы убитого подручным ГБ банковского магната, и она сумела-таки вступить в права наследства, что очень не устраивало Белоцерковского – он рассчитывал постепенно прибрать осиротевшую банковскую империю к рукам. Не удалось. И помешал ему именно этот Константин Панфилов, который сейчас звонит и начинает вновь угрожать неизвестно по какой причине.

– Встретиться? – насмешливо произнес голос Панфилова. – Надеешься, что я неуклюже подставлюсь под выстрелы твоих головорезов? Ты, оказывается, наивен! Ну что ж, давай встретимся! Сегодня вечером в восемь в бассейне «Олимпиец» в Серебряном Бору. И не забудь плавки, олигарх!

Последнее слово Панфилова прозвучало как прямое

оскорбление. Словно его собеседник сказал не «олигарх», а «дядя», «козел» или еще что похуже.

Белоцерковский сжал зубы и выматерился про себя. Он понял, что боится человека, который ему сейчас звонил, и именно поэтому пойдет сегодня на назначенную встречу, натянет плавки и будет плавать в бассейне, хотя терпеть не может ни бассейнов, ни саун.

Он вообще не мог терпеть появляться на людях раздетым, потому что его всегда охватывало ощущение своей незащищенности и уязвимости. Он гораздо увереннее чувствовал себя в костюме, при галстуке, с двумя телохранителями сзади и двумя – впереди.

Даже на заседаниях Думы сидел один из его телохранителей – в ложе для прессы – и не сводил глаз с зала, отмечая слишком пристальные или угрожающие взгляды в сторону ГБ. Впрочем, и тех, и других хватало. Однако оружие никто из депутатов из кармана не доставал и в Белоцерковского не целился.

Охранник скучал без дела и скоро научился дремать с открытыми глазами.

Конечно, он пойдет на встречу не один. Мошнаускас создал неплохую структуру, которая весьма эффективно работала на Белоцерковского. После смерти Мошнаускаса его место занял другой человек. Его тоже убили, и на его месте появился третий, затем четвертый.

Сейчас охранной фирмой «Цербер», под вывеской кото-

рой скрывалась оперативная служба Белоцерковского, руководил Андрей Шульгин, которого ГБ называл не иначе как Андрэ, поскольку тот отличался тонкими чертами лица и отдаленно напоминал молодого Алена Делона.

У Андрэ вполне достаточно людей, чтобы оцепить этот дурацкий бассейн и каждого, кто в нем окажется, вывернуть наизнанку.

Белоцерковский немного успокоился и даже заставил себя улыбнуться.

Панфилов просчитался, соглашаясь на встречу, в этом Белоцерковский был уверен. Но его не будут убивать прямо в бассейне.

В тот момент там будет находиться депутат Государственной Думы Глеб Абрамович Белоцерковский, который не должен иметь никакого отношения к подобным историям и никогда не имеет. Панфилова лишь аккуратно упакуют и вывезут за пределы Московской кольцевой автодороги.

А там – прощайте, господин Панфилов, и уносите с собой все ваши угрозы в могилу.

Белоцерковский вспомнил, что в зале заседаний продолжается обсуждение столь интересующего его законопроекта. Не хватало только, чтобы Панфилов и впрямь вылез в прес-се со своими разоблачениями. Это подольет масла в огонь, которым пылают сторонники законопроекта об отмене депутатской неприкосновенности.

В Государственной Думе поднимется такой хай!

Доказательств причастности ГБ к смерти конкурента-банкира у Панфилова, конечно, нет и не может быть, кроме личного свидетельства, которое не слишком дорогого стоит. Но для того, чтобы повлиять на мнение депутатского большинства, доказательства и не требуются.

Уж кто-кто, а Белоцерковский это знает прекрасно. Самому не раз приходилось проваливать законы только тем, что он организовывал в средствах массовой информации шумные, нацеленные на создание нужной ему общественной атмосферы пропагандистские кампании.

А если депутатская неприкосновенность будет все же отменена...

Белоцерковский даже думать не захотел, что может случиться с ним лично.

Но она не будет отменена! Пока он жив, он этого не допустит.

И Глеб Абрамович решительно направился в зал заседаний. Одно его возвращение в зал должно наполнить «подсадных» депутатов энтузиазмом. Еще бы! Он пообещал каждому из них в случае провала законопроекта столько, сколько они за год не заработают, протирая штаны на думских скамьях.

– Никому нельзя позволить трогать депутата! – донесся до Белоцерковского знакомый голос с трибуны, когда он открыл дверь в зал. – Это однозначно! Депутатов начнут сажать пачками, независимо от того, виновен он или нет! Только по-

тому, что правоохранительные органы в субъектах федерации подчинены практически везде губернаторам, а депутаты чаще всего выступают в оппозиции к ним. Губернаторы начнут просто давить нас и превращать в свои послушные орудия! Я говорю это как специалист! Наше законодательство не может сейчас защитить от произвола рядового гражданина. Слава богу, что хотя бы депутаты недоступны длинным рукам беспредельщиков! И вместо того, чтобы, пользуясь своей депутатской неприкосновенностью, разработать и принять законы, обеспечивающие защищенность от произвола власти каждого гражданина России, мы с вами возьмем сейчас и сами сдадимся на милость нашим политическим врагам! Этого не будет! Я заявляю вам это однозначно!

«Вот это сторонник! – довольно хмыкнул про себя Белоцерковский. – И покупать его не надо, сам выступает, по своей инициативе... Впрочем, нет, это случайный попутчик. С моими „ручными“ гораздо проще. С ними можно не бояться никаких неожиданностей...»

Он вспомнил неожиданный звонок Панфилова, его непонятные претензии, и настроение снова испортилось. Глеб Абрамович очень не любил неожиданности подобного рода. Да и кто их любит?

Глава 3

Закончив разговор с Белоцерковским, Константин помчался в Серебряный Бор, в бассейн, который был ему известен еще с детства, когда он ездил сюда тренироваться из Запрудного. Школьный учитель физкультуры, обратив внимание на его способности в плавании, рекомендовал его в школу олимпийского резерва, которая тренировалась иногда в Серебряном Бору, и Костя пару месяцев ездил туда заниматься, пока не бросил это дело.

Не до плавания ему было. В Запрудном чуть ли не каждый день возникали тогда разборки между группами пацанов, которые по примеру более старших начинали делить город на сферы влияния. Константин был непременным и чуть ли не самым активным участником подобных разборок.

Тогда он еще не носил кличку Жиган. Ее он получил в зоне, куда попал надолго.

Впрочем, зона – это было хорошее испытание его характера и воли к жизни.

Не хуже, чем Афганистан, в котором ему тоже пришлось побывать.

Бассейн в Серебряном Бору оставался для него воспоминанием о детстве, когда перед ним лежали разные дороги и он стоял перед ними, не зная, какую выбрать.

Костя часто попадал на тропы, которые были слишком

взрослыми для его возраста, наверное, потому у него и выработался столь жесткий подход к жизни. Если ты не преодолеешь препятствие, не переломишь хребет противнику, он переломит его тебе.

Логика жизни – простая и жестокая. Хочешь жить – убей врага.

Именно это и собирался сделать сегодня вечером Константин Панфилов. Он не хотел никого убивать, но ему не оставили другого выхода. Или его, или – он.

Плевать на то, что своим врагом он считал одного из самых могущественных российских олигархов. Плевать, что тот непременно приедет с огромной, вооруженной до зубов охраной, которая прочешет каждый квадратный метр бассейна и его окрестностей.

Константин знал одно: Белоцерковский по натуре трус и вечно дрожит за свою жизнь, предпочитая ее покупать, а не отстаивать. Константин всегда помнил, что он смертен, и смерть может забрать его в любую секунду.

Но и сам Жиган был готов умереть всегда, хотя и не хотел умирать.

Ему нравилось жить, он помнил, что жизнь – очень хрупкая штука и ее может раздавить чье-то даже случайное прикосновение. Наверное, это и помогало ему выживать в ситуациях, в которых погибли бы девяносто девять человек из ста.

В запасе у него было всего несколько часов, а подготов-

ка к вечерней встрече с Белоцерковским требовала времени. Константин прекрасно понимал, что прежде чем Белоцерковский появится в Серебряном Бору, там побывает его правая рука («Интересно, кто занимает сейчас должность директора охранного агентства „Цербер“?») и расставит своих людей где только можно.

Поэтому нужно было спешить и оказаться в «Олимпийце» раньше «церберов». У Жигана было некоторое преимущество в том, что он прекрасно знал, где находится бассейн, а людям ГБ придется его еще поискать.

«Олимпиец» располагался на берегу одного из многочисленных серебряноборских заливов. Двухэтажное здание стояло одиноко, других строений поблизости не было. Причем торчало оно на открытом месте, деревьев или зарослей высоких кустов около него тоже не было. Константин не учел этого, когда называл Белоцерковскому место встречи, но теперь, стоя перед с детства знакомым зданием бассейна, он решил, что это даже хорошо.

Облезший фасад бассейна, выстроенного во времена, когда в моде были стекло и бетон, напоминал скорее аэропорт, чем спортивное сооружение. Подходы к зданию просматривались совершенно отчетливо.

Всякий, кто будет приближаться к бассейну, неизбежно будет замечен теми, кто находится внутри. Скрытно подобраться к бассейну просто невозможно.

«Отлично! – подумал Константин. – То, что нужно. Пусть

поломают голову до тех пор, пока я не преподнесу им сюрприз».

В бассейне шла тренировка, которая, если верить расписанию, должна продолжаться до шести часов. У Константина было время для того, чтобы разыскать Леоныча, который отвечал за техническое состояние насосов, компрессоров, вентиляционных установок, электрооборудования и радиоустановок. Леоныч был мастером на все руки и работал в бассейне один, хотя по штату полагался один инженер по эксплуатации и, как минимум, два слесаря.

Директору бассейна выгоднее было платить Леонычу двойную зарплату, чем содержать трех человек. Да и спросить с Леоныча можно было на полную катушку, все-таки – двойную зарплату получал. При этом как-то забывалось, что работает он за троих.

Он был пожилым уже в то время, когда Костя ездил в Серебряный Бор на тренировки. Возможно, что лет ему было всего тридцать, но с таким же успехом ему можно было дать и пятьдесят пять. Что называется, мужчина неопределенного возраста. Константин даже не подумал о том, что Леоныч за время, которое прошло с тех пор, мог уволиться. Мог умереть, наконец. Но для него Леоныч был жив всегда, как живо было в памяти детство.

В памяти Константина бассейн «Олимпиец» и Николай Леонович были нераздельны. Все пацаны в бассейне знали Леоныча, который никогда не отказывался удовлетворить их

любопытство и дать рассмотреть его подземное, подвальное царство, напичканное силовыми установками и насосами. Разрешал даже включать их и выкачивать воду из бассейна.

Насосы гудели в эти моменты оглушительным ровным гулом, уровень воды в бассейне понижался, неровное кафельное дно обнажалось, открывая пологий склон в сторону вышки для прыжков.

Если еще учесть, что Леоныч разрешал пацанам и курить тайком у себя в подвале, можно понять, насколько он был для них своим человеком.

«Человеку нельзя ничего запрещать, – любил повторять Леоныч. – Хочешь курить? Кури! О том, что курильщик на дистанции сдохнет, дыхание раньше всех сойдет, ты и сам знаешь. Поэтому – выбирай сам. А сигарет, добра этого, мне не жалко...»

– Николай Леонович? – переспросила вахтерша Константина. – Это Петров, что ли? Здесь, где ж ему еще быть?! В подвале у себя. Как пройти-то, знаешь?

– Знаю, знаю! – отмахнулся Константин.

Он прекрасно помнил лестницу, по которой нужно было спускаться в подвал, но удивился тому, какая она стала маленькая и узкая.

Прежде она казалась ему широкой и огромной. Да и подвальные коридоры вдоль бортов бассейна оказались настолько узкими, что в них едва можно было повернуться, не задев стены плечами. А ведь раньше он с пацанами носился по

ним бегом.

Леоныч сидел в своей каморке, которая тоже стала меньше и теперь вполне оправдывала свое название, вызывавшее в детстве недоумение.

Он сильно постарел. Возраст и теперь определить было трудно, но если раньше это был пожилой человек, то теперь его можно было назвать стариком. Впрочем, еще крепким и жилистым.

Он сидел и смотрел через раскрытую дверь каморки в окно в борту бассейна, залитое переливающимся сине-зеленым цветом. По всей видимости, кто-то тренировался, и освещение постоянно менялось, создавая игру света в толще воды.

– Здравствуй, Леоныч! – сказал Константин. – Я рад, что ты жив! За эти годы многое изменилось, и не сказать, чтобы в лучшую сторону. А ты... Каким был, таким и остался. Только седой стал совсем.

Леоныч посмотрел на гостя взглядом уставшего от жизни человека. Его помнили тысячи мальчишек, прошедших за эти годы через «Олимпиаец», он не помнил ни одного из них. Он просто научился отличать хорошего человека от плохого, независимо от его возраста.

Сейчас он видел перед собой взрослого мужчину, который в душе остался тем же пацаном, который приезжал сюда на тренировки – решительным максималистом, готовым отстаивать свою правоту до последнего, в драке так в драке. Мальчишку, так и не разобравшегося в своей жизни.

– Тебя как зовут? – спросил Леоныч старческим надтреснутым голосом, и Константин только теперь понял, насколько тот сдал.

– Костя, – произнес Константин и вдруг почувствовал себя опять пацаном, который впервые спустился в этот подвал, чтобы посмотреть своими глазами на «царство» Леоныча, потрогать руками хитрые механизмы, которыми он командует. – Костя Панфилов.

– Проходи, Костя Панфилов, – сказал Леоныч, показывая рукой на стул рядом с собой. – Рассказывай, что заставило тебя вспомнить о старом Леоныче?

– Вспомнил, как ты говорил, что каждый сам свою жизнь выбирает, – ответил Константин. – Вот и подумал, почему же я себе такую жизнь выбрал? Неужели я так хотел жизнь прожить?

Леоныч не спросил его – как? Он только понимающе кивнул седой головой и положил сухую натруженную руку ему на колено.

– Жизнь, Костя, она тоже выбирает, – сказал он. – Тех, кто понаглее, наверх выбрасывает, на гребень, в пену. А тех, кто не хочет под нее подстраиваться, вот вроде тебя, утопить норовит, ко дну тянет, о дно бьет, по камням волочит.

Он вздохнул.

– Вот и получается, что выбор у нас с тобой небольшой, – продолжил Леоныч. – Не наша это река. Отравили ее, загадили. И воду в ней не поменяешь, как в бассейне. Насоса та-

кого нет... Терпи, Костя. Отлив будет, они на отмели останутся. А ты плавать выучился, тебя на берег не выбросит. Ты человек легкий, свободный. Тебе утонуть не суждено.

Константин озадаченно покрутил головой.

– Заждался я отлива-то, – сказал он. – Уж сколько меня по дну волочит, а пена наверху все не оседает. Может быть, она вечная?.. Я сегодня одному встречу назначил, – спохватился Константин. – Опасная сволочь. Человека раздавить – ему раз плюнуть. Вот я и подумал, что стены здесь свои, раз в них Леоныч еще жив – помогут. Такой вот я сегодня выбор сделал.

– Ты выбор сделал, тебе и расхлебывать, – кивнул Леоныч. – От меня ты что хочешь?

– Твой черный халат, – быстро сказал Константин. – И ключи от подвала с электроустановкой. Больше ничего мне не нужно. А сам домой иди, я вместо тебя сегодня вечером подежурю.

Леоныч внимательно посмотрел Панфилову в глаза, но ничего больше не спросил и не сказал.

Он выдвинул ящик стола, достал связку ключей, положил на стол.

– Халат на вешалке, – сказал он и медленно вышел из своей каморки.

В дверях он задержался и, обернувшись, добавил:

– Лишнего на себя не бери. Потом тяжело будет.

Минуты через три неподвижно сидящий Константин

услышал, как хлопнула дверь.

«Теперь добро пожаловать, Глеб Абрамович!» – произнес мысленно Константин и начал переодеваться.

Нужно было подготовиться к встрече.

Глава 4

Машина Белоцерковского выехала на проспект Маршала Жукова, когда ему позвонил Андрэ и доложил, что все в порядке.

– Все под контролем, – уверенно сказал он. – На объекте, кроме персонала, никого нет. Все подходы под наблюдением. Мышь не проскочит. Мы его засечем, как только он сделает шаг в сторону бассейна.

«Смазливый малый, – подумал Белоцерковский. – Но хвалиться любит, это что-то ужасное... Под контролем у него все! Вот когда ты мне покажешь труп этого Панфилова, тогда я поверю, что он у тебя под контролем».

На Хорошевском мосту он сам набрал номер сотового телефона Шульгина.

– Я еду! – сообщил он. – Проверь воду, чтобы чистая была, я хочу поплавать. Сам залезь и проверь! Понял меня?

– Уже проверил, шеф! – обиделся Шульгин. – За кого ты меня держишь?

– Ты мне не тыкай! – взвизгнул Белоцерковский. – Думаешь, ты незаменимый? Заменить невозможно только одного человека – меня!

– Понял, шеф! Извините! – пробормотал Шульгин. – Вода проверена, сам плавал, лично.

– И чтобы никого в воде не было, – добавил Белоцерков-

ский. – Никаких этих тренировок. Если кого-то увижу – тебя утоплю в этом бассейне своими руками. Все!

Белоцерковский немного нервничал, поскольку знал, что Константин Панфилов очень опасный собеседник. Особенно если он догадается, что Белоцерковский не собирается выпускать его из этого бассейна.

«Сам себе могилу выбрал! – подумал Белоцерковский злорадно. – Там же тебя и закопают. В пол замуруют и бетоном залиют. Будешь вечно в списках олимпийского резерва...»

ГБ храбрился именно потому, что ему было страшно. Воспоминание о том, как Панфилов убил предшественника Шульгина, когда «уговаривал», как он выразился, Белоцерковского отдать ему кассету, приводило ГБ в трепет.

«Этот уговорит! – бормотал про себя Глеб Абрамович. – Этот мертвого уговорит!.. Господи, какая чушь в голову лезет! При чем здесь мертвые?»

Глеб Абрамович передернул плечами и принялся стучать пальцами по подлокотнику сиденья.

«Да пошел он к дьяволу! – устыдился ГБ своего страха и решил действовать вопреки ему, в надежде, что он пройдет, рассеется. – Теперь обязательно в воду полезу! Буду плавать, когда Панфилов появится в бассейне, пусть видит, что мне он нисколько не страшен!»

Машина шла уже по таким местам в Серебряном Бору, где Глеб Абрамович ни разу в жизни не был даже в те времена,

когда трудился рядовым инженером на благо Советской Родины в конструкторском бюро института машиностроения.

«Дебри! – ужаснулся он, глядя на кусты, буйно растущие вдоль асфальтированной дороги, уводящей в сторону от улицы Таманской. – Зачем меня сюда понесло?! Вдруг Шульгин не проверил эти кусты? Я, по-моему, стал слишком безрассуден! Нельзя так беспечно рисковать своей жизнью!»

Но машина доехала до бассейна «Олимпиец» без всяких происшествий. Никто не покушался на жизнь Белоцерковского, да вряд ли кто вообще знал о его поездке сюда. Сам он, разумеется, никому об этом не говорил, а Шульгин умел держать язык за зубами.

Нет, покушений со стороны его многочисленных политических противников и конкурентов по бизнесу опасаться, пожалуй, не стоило.

Глеб Абрамович немного успокоился.

– Нервы! Все нервы! Нет, мне надо отдохнуть! Как только развяжусь в Думе с этим треклятым законом, поеду в Швейцарию! Надо уметь пользоваться тем, что имеешь. Иначе – зачем я вложил такие деньги в этот чертов замок?!

Воспоминание о купленном в одном из швейцарских кантонов старинном замке приятно щекотало его самолюбие. Стоила эта груда средневековых камней кучу денег, но там Белоцерковского никто бы уже не достал. Ни российское правосудие, ни наемные киллеры.

Мой дом – моя крепость! Мудрые люди эти англичане,

раз у них есть такие пословицы. Швейцарцы к частной собственности тоже относятся трепетно. Не то что в России. В России воровать хорошо, страна лохов, да и только! А вот сохранить наворованное практически невозможно. Придет к власти какой-нибудь Зюга, и все полетит к дьяволу! Тогда только и останется у тебя то, что успел вывезти за границу, вложить во что-нибудь надежное, вроде недвижимости.

Проблема в том, что нефтяные скважины и алюминиевые комбинаты за границу не вывезешь. Будь ты хоть десять раз собственником, владей хоть десятую контрольными пакетами акций, от национализации это не спасет.

Россия – страна беззакония! Сейчас оно на руку, в мутной воде экономических кризисов и дефолтов можно наловить крупной рыбки, но это же беззаконие может обернуться и против. Постоянно нужно держать руку на пульсе политической ситуации.

Стоит голодранцам протащить на выборах президента своего кандидата, и Белоцерковскому придется прятаться в одном из своих заграничных владений. Швейцария в этом отношении не самый плохой вариант.

Впрочем, неизвестно еще, чей кандидат придет к власти в стране. У ГБ тоже есть свой кандидат, и шансы у него даже предпочтительнее, чем у лидера левых.

Шульгин встретил его у входа и проводил в бассейн.
– Никого! – сообщил он. – Двоих из обслуживающего персонала я оставил, инженера по эксплуатации и директора,

остальных распустил по домам. Клиентов нет никого. Никаких тренировок, секций и оздоровительных групп, как вы приказывали. Вода проверена. Посторонних добавок не содержит. Острых предметов на дне не обнаружено. Потолок обследован, посторонних предметов на нем нет.

– Ну что ж, молодец... – пробормотал Белоцерковский, проходя в раздевалку. – Когда этот... Панфилов появится в поле твоего зрения, дашь мне знать.

Переодевшись, Глеб Абрамович прошел в зал с бассейном и внимательно огляделся по сторонам. Шульгину он, конечно, доверял, но и самому лишний раз убедиться в собственной безопасности не помешает.

По углам двадцатипятиметрового бассейна стояли охранники с заложенными за спину руками. На трибуне, поднятой на полутораметровую высоту над бассейном, сидел врач в белом халате, Шульгин всегда брал его с собой, когда Глеб Абрамович куда-то выезжал, – на всякий случай. Мужик в черном халате разобрал кафельную плитку метрах в трех от края бассейна, под вышкой для прыжков и паял какие-то провода. Возле него стоял охранник с заложенными за спину руками.

Белоцерковский поморщился, брезгливо поманил пальцем Шульгина.

– Это кто? – спросил он, указывая пальцем на мужчину в халате. – Что он там возится?

– Инженер по эксплуатации оборудования Николай Лео-

нович Петров, – отпрапортовал Шульгин. – Ищет неисправность в системе пожарной сигнализации. Когда мы сюда приехали, она барахлила, я приказал ее отключить и выяснить, что случилось.

– А нельзя его отсюда... на хрен? – сморщился Белоцерковский.

– Да он не мешает, – замялся Шульгин. – Возится и пусть возится. Я к нему Котла приставил. Котел – парень надежный... Сигнализацию придется исправить. Ее на пульт надо сдавать. Если не сдать – милиция примчится. У них сигнализация на одной линии с пожарниками сидит.

– Дурдом какой-то! – недовольно пробормотал Глеб Абрамович. – Не появлялся Панфилов?

– Рано еще, шеф! – возразил Шульгин. – Он сказал – в восемь, а сейчас без пятнадцати.

– Ладно! – сказал Белоцерковский и начал спускаться в воду. – Но смотри у меня! Как только он шаг к бассейну делает – сообщишь мне!

Шульгин кивнул и исчез, пошел проверять посты наблюдения за подходами к бассейну. Глеб Абрамович спустился по металлической лесенке в воду и оттолкнулся от бортика. Плавать он, можно сказать, почти не умел и не любил.

Но то ли природная склонность к полноте, с которой он долго и безуспешно боролся, то ли легкость костей обеспечивали ему удивительную плавучесть. Прикладывая минимальные усилия, он легко держался на воде, хотя водная сти-

хия и не доставляла ему особого удовольствия. Она была слишком текуча и обманчива. На нее невозможно было опереться.

Неприятным было и то, что, прежде чем залезть в воду, приходилось раздеваться, а Глеб Абрамович всегда чувствовал себя неуютно, когда на нем не было ничего, кроме трусов.

Но сейчас он пересилил себя и заставил забраться в воду. Он хотел убедить самого себя, что не боится Панфилова. Панфилов и вода как-то связывались между собой в его сознании, наверное, потому, что и тот, и другая были источниками опасности для ГБ. Преодолевая страх перед одной из этих опасностей, Белоцерковский как бы пересиливал и вторую, исходящую от Панфилова.

Судорожно перебирая руками, он добрался до натянутой вдоль бассейна дорожки из пенопластовых поплавков и вцепился в нее руками.

Гром раздался в тот момент, когда Глеб Абрамович уже окончательно успокоился и собирался подняться из воды на бортик. Над бассейном раздался оглушительный шум, треск и грохот.

Белоцерковский увидел, как охранники повыдергивали пистолеты из-за спин и приняли боевые стойки. Они готовы были поразить кого угодно, но никто на их шефа не нападал, никто вообще в бассейне не показывался.

Сам Глеб Абрамович судорожно вцепился в пенопласто-

вые поплавки и пытался опуститься в воду как можно ниже, выставив над поверхностью только ноздри, словно африканский бегемот во время летней жары. Это ему никак не удавалось, его разворачивало боком к поверхности и выталкивало из воды вверх, но он не оставлял своих попыток спрятаться в прозрачной воде.

– Абрамыч! – раздался над бассейном оглушительный голос. – Прикажи своим гориллам выйти отсюда, пусть спрячут пистолеты и покинут нас. Иначе я замкну цепь, и в воду пойдет напряжение в семьсот двадцать вольт... Как ты думаешь, всплывешь вверх пузом или задницей? Мне терять нечего, но этим зрелищем я в любом случае насладиться успею! Если не хочешь доставить мне этого удовольствия, то поторопись. Ты слышал? Я хочу, чтобы мы остались с тобой вдвоем! Не советую, кстати, подплывать к поручням и хвататься за них, – к ним-то и подведено напряжение.

Белоцерковский сообразил, что голос звучит по радиотрансляционной сети. Кто именно говорит, он понял сразу. Что Панфилов – это было ясно, но где он находится, этот Панфилов?

Глеб Абрамович еще раз оглядел зал. Охранники перестали озираться и застыли в напряжении, ожидая приказа от ГБ. Они понимали, что любое их движение может быть истолковано как угрожающее, и не хотели рисковать. Ни жизнью ГБ, ни своими собственными.

Лопухнуться, охраняя Белоцерковского, – это значило

подписать себе смертный приговор. Шульгин таких людей не держит, они ему просто не нужны, но и отпускать их он не станет, они слишком много знают такого, чего никому из врагов ГБ знать не положено.

Врач на трибуне сжался в комок и сидел, не шевелясь, боялся привлечь к себе внимание.

И тут Белоцерковский сообразил.

«Этот... В черном халате! – мелькнуло у него в голове. – Точно, это он, Панфилов! Слесарь! Инженер по эксплуатации! Я тебе покажу по эксплуатации, дай только выбраться отсюда невредимым!»

Белоцерковский впился глазами в фигуру в черном халате. Голос из динамиков тут же зазвучал снова.

– Узнал, Абрамыч? – разнеслось над бассейном. – Наконец-то! А то я заскучал уже... Хреновая у тебя охрана. Так что давай выгоняй их отсюда, а мы с тобой поговорим о том, чем это я тебе помешал и зачем ты ко мне подсылал идиотов, которые не знают, с какого конца пистолет стреляет.

– Все – вон отсюда! – завизжал Белоцерковский из воды. – Быстро! Вон все! Все! До единого! Уволю дармоедов! Всем уйти отсюда и не входить, пока не вызову!

Охранники поспешно покинули зал бассейна. Врач исчез тихо и незаметно. Белоцерковский и мужчина в черном халате остались одни.

Панфилов поднялся, стащил с себя халат и подошел к краю бассейна. В руках у него был небольшой пульт дистан-

ционного управления.

– Предупреждаю, – произнес он, – при малейшей попытке к сопротивлению я нажимаю эту кнопку.

Он продемонстрировал Белоцерковскому красную кнопку на пульте.

– Она замыкает цепь, один конец которой подсоединен к трансформатору, другой – вот к этим поручням.

Панфилов провел рукой по поручням металлической лестницы для подъема из воды.

– Ты знаешь, какой ток течет через проводник во время короткого замыкания? – продолжал Панфилов. – Порядка ста ампер. Для того чтобы убить человека, вполне достаточно и одного ампера.

– Зачем мне эта твоя лекция по физике? – вскрикнул в воде Глеб Абрамович. – Я все это знаю! Я не посылал к тебе никого! Я забыл про тебя, а ты врываешься ко мне с какими-то кнопками! Дай мне вылезти из воды!

– Сидеть! – приказал Константин. – Не дергайся, Абрамыч! Занимайся водными процедурами. Я буду задавать вопросы, а ты мне на них ответишь. Как ты понимаешь, у меня есть возможность настаивать на твоей искренности.

Панфилов вновь показал ему пульт.

– Вызови сюда директора «Цербера», – приказал он. – Только не пытайся убедить меня, что ты понятия не имеешь, что это за фирма и что у тебя нет с ней никаких отношений. Скажи ему, чтобы разделся и пришел сюда в плавках. Мне

так будет спокойнее.

Он положил на край бортика сотовый телефон и жестом показал Белоцерковскому: подплывай, мол, звони.

Глеб Абрамович повиновался и по-собачьи начал подгрести к бортику.

Ему очень хотелось выскочить из воды, где его жизнь зависела от движения пальца Панфилова, но он понимал, что просто не сможет этого сделать.

Он набрал номер и заорал в трубку:

– Шульгин! Сейчас разденешься и войдешь сюда. Один. Без оружия. Что?.. Догола, мать твою! Понял? Быстро! Надо заканчивать этот балаган...

Константин усмехнулся, слушая этот разговор. Он прекрасно понял, что Белоцерковский намеренно унижает Шульгина, чтобы злее был, чтобы запомнил свое унижение перед Панфиловым, крепко запомнил. Впрочем, это уже несущественно. Шульгин навсегда запомнит Панфилова уже потому хотя бы, что тот обхитрил его и продемонстрировал Белоцерковскому профессиональную несостоятельность охраны. Шульгин будет теперь ждать первого удобного момента, чтобы разделаться с Панфиловым.

В двери зала появился совершенно голый Шульгин. Он был бордовым от злости. Поглядывая искоса на Константина, Шульгин подошел к воде.

Глеб Абрамович показал ему рукой на Константина.

– Отвечай на его вопросы, – сказал он. – Говори правду,

это в моих интересах.

Константин достал пистолет, который отобрал у убитого им в больнице киллера, и швырнул его под ноги Шульгину.

– Один из твоих бойцов не вернулся с задания, – сказал Жиган. – Вот его оружие. Кто приказал ему убить меня? Ты?

Шульгин поднял пистолет, вытащил пустой магазин, покрутил перед глазами.

– Нет, – сказал он. – Мои «макарами» не пользуются. Это не мой человек. Да и потерь у нас за последний месяц не было. Это не мы. Ошибка.

– Допустим, я тебе поверил, – сказал Константин задумчиво. – Хотя мне и трудно себя заставить сделать это. Но кто-то же пытался меня убить! Реальный мотив есть у тебя, Абрамыч. Я слишком много о тебе знаю, ты слишком осторожен, чтобы оставить меня в живых. Если это не ты, то кто же? Попробуй убедить меня, что это не твоих рук дело. Убедишь, я выпущу тебя из воды.

– Одно я знаю наверняка, – тут же зачастил Белоцерковский. – Это сделал не я. Сознаюсь, ты вызываешь у меня определенные опасения, но не настолько серьезные, чтобы отдавать приказ о твоей ликвидации и тем самым подставлять под удар самого себя. Если один из моих людей попадется, разве у меня есть гарантии, что он не распустит язык на допросах и не назовет мое имя? Нет, я на это не пошел бы. Ни за что!.. Но, с другой стороны, я понимаю, что у тебя есть основания мне не верить. Поэтому я предлагаю компромисс

– давай разбираться вместе! Я обещаю тебе всяческую поддержку в поисках людей, которые заказали твое убийство. Я располагаю большими оперативными возможностями. Подумай, много ли ты сможешь сделать в одиночку? Вдвоем с тобой мы быстро вычислим этих людей. Я тоже заинтересован в том, чтобы сделать это как можно скорее. Сам понимаешь, если ты вновь станешь меня подозревать, мне это не понравится, потому что это будет представлять для меня некоторую опасность...

– Я? С тобой? – удивленно переспросил Панфилов. – Бред! Ты же продашь меня, как только выползешь из воды. Моргнешь этому своему... Адаму, и он меня самого столкнет в воду. А ты с удовольствием нажмешь кнопку. Ты же делаешь только то, что тебе выгодно, а чем тебе выгоден союз со мной? Я не вижу для тебя в этом никакого смысла.

– Сделать из врага друга – уже большой смысл! – воскликнул Глеб Абрамович. – Я не хочу видеть тебя своим врагом. Я давно понял, что твои враги долго не живут, а я хочу жить долго. Очень долго. Поэтому я предлагаю заключить союз.

Константин задумался.

Конечно, нет никакой гарантии, что этот прожженный мошенник его не обманет. Но в то, что покушение организовал ГБ, Панфилов теперь не верил. Не потому, что Белоцерковский его убедил. Константин сам понял, что это не так. По его реакции, по тому, как дрожали губы от обиды у Белоцерковского, когда он говорил, что не причастен к попытке

убить Константина.

Шульгин тоже, похоже, говорил правду. Константин и сам заметил: у охранников, приехавших вместе с Шульгиным, были не «макаровы», а «ТТ». Это, конечно, не бог весть какое доказательство, но и в интонациях Шульгина он лжи не заметил. Злость услышал, обещание убить при случае – услышал, но лжи не было.

– Так и быть, – сказал он. – Я тебе поверю. Но с одним условием. Ты найдешь человека, который меня «заказал», и сообщишь мне.

– Согласен! – тут же воскликнул Белоцерковский. – Не сам я, конечно... Вот он найдет... – Он ткнул пальцем в Шульгина. – И сообщит мне. А я передам эту информацию тебе. Теперь, я надеюсь, мне можно подняться из воды? Я, честно говоря, замерз...

– Минуту! – остановил его Жиган. – Не спеши, целее будешь.

Он показал Шульгину на лежащий у того под ногами пистолет.

– Швырни-ка мне эту штуку.

Шульгин ногой отправил «макаров» по кафелю в сторону Константина.

Панфилов поднял пистолет, зарядил его и сказал:

– Теперь можешь подниматься, Абрамыч! Только учти, что ты постоянно будешь у меня на мушке. Я предупреждаю тебя на всякий случай, вдруг кто-то из твоих охранников не

поймет, что происходит, и откроет пальбу. Второй выстрел будет в тебя. Поэтому предупреди своих ребят, чтобы держали себя в руках и не давали волю нервам, а мне – повод продырявить тебя.

Он наставил пистолет на Белоцерковского и спокойно командовал:

– Теперь поднимайся!

Белоцерковский не заставил себя долго упрашивать. Константин взял его под руку, и Глеб Абрамович почувствовал, как ствол уперся ему в бок.

– Шульгин! – тут же принялся командовать Белоцерковский. – Приведешь себя в порядок и снимешь все посты в этом здании. Отправь своих людей в машины, и пусть уезжают отсюда. Я переоденусь и поеду с тобой. Понял? Иди!

– Иди, Абрамыч, одевайся! – подтолкнул его в сторону раздевалки Константин. – А то ты не солидный какой-то, когда голый!

Белоцерковский проглотил обидную шутку. Ничего, станет время, он еще поквитается с этим психом из Запрудного, который мнит себя супергероем...

Глава 5

Панфилов ни на грош не поверил Белоцерковскому. Он хорошо понимал этот тип людей. Неважно, какое место в жизни они занимают, высоко ли взобрались по социальной лестнице. У них гнилое нутро. Среди запрудненской братвы таких много. И этот такой же, как самые последние подонки из «братанов». Просто этому удалось забраться выше. Но за доллар он тебя с удовольствием продаст, а за два – задушит собственными руками. Кроме денег, в их жизни не существует никаких ценностей. Деньги и собственная жизнь – вот две вещи, которые волнуют их.

Это от них, от таких, как этот новоявленный российский олигарх, пошел в России беспредел. Это они сеют рядом с собой разврат и проституцию – развращают людей легкими деньгами и приучают их продавать себя.

Хочешь заработать? Убей человека и получишь десять тысяч баксов.

Хочешь быть богатым? Продай свою душу золотому тельцу, богу по имени доллар!

И не стоит мучиться ненужными сомнениями. Не ты первый, не ты и последний. А если и откажешься, найдутся другие, которые переступят через все на свете, чтобы получить пачку долларов. Не упускай свой шанс. От тебя и требуется-то всего лишь в нужном месте и в нужное время нажать

на курок. Не думай, что ты стреляешь в человека, представь его абстрактным объектом, мишенью, лишенной конкретной жизни, существующей лишь для того, чтобы ты с ее помощью мог заработать...

Белоцерковский был слишком слабым и трусливым, чтобы убивать самому. Но он заказывал убийства, он нанимал других, чтобы они убивали по его приказу. Так чем Белоцерковский отличается от обычного киллера? Только тем, что боится крови и смерти?

Помнится, было в каком-то романе выражение – «голубой воришка», то есть вор, который стыдился воровать. Так вот, Белоцерковский – «голубой киллер», то есть убийца, который боится убивать. Одним словом – дрянь, мерзость, дерьмо...

И все же Константин сам предложил Белоцерковскому нечто вроде союза. Это был тактический ход с его стороны. Он и в самом деле был один. И на него кто-то охотился. Не Белоцерковский, но и тот не прочь присоединиться к охотникам, Панфилов это понимал. Так лучше уж сохранить с ним контакт, чем постоянно ждать нападения из-за угла.

Это был союз двух врагов, и оба отдавали себе в этом отчет. Белоцерковский элементарно боялся за свою жизнь. Панфилов уже успел убедить его в своей способности проникать сквозь самую надежную охрану и убирать людей, которые только и думали что о сохранности своей жизни. Как только Панфилов поймет, что Белоцерковский приказал его

убить, так сам начнет охоту на ГБ, а это олигарха ни в коей мере не устраивало. Жиган успел доказать ему, что он человек серьезный и относиться к нему нужно с уважением.

Ему не хотелось марать о Белоцерковского руки. Он устал от смертей, которые преследовали его последние годы. Все, кто находился рядом с ним, рано или поздно умирали, причем отнюдь не естественной смертью. Их убивали. Его друзья убивали его враги. Его врагов убивал он сам.

Когда-нибудь надо было прекратить эту цепную реакцию, катализатором которой был он, Константин Панфилов по кличке Жиган.

Поэтому Глеб Абрамович Белоцерковский и остался в живых после встречи с Панфиловым. Заставив Шульгина выбросить оружие, он усадил Белоцерковского на переднее сиденье, сам сел сзади и приказал Шульгину ехать к станции метро «Октябрьское Поле».

Он вышел из машины и скрылся на глазах Белоцерковского в подземном переходе. Тому оставалось только проводить Панфилова полным ненависти взглядом.

«Этот человек доживает свои последние дни! – уверял себя Белоцерковский, тупо глядя в спину удаляющемуся Панфилову. – Я не допущу, чтобы он чувствовал себя безнаказанным после того, как он сегодня меня унизил. Но не надо пороть горячку. Если он говорит правду и его действительно пытались убить, надо выяснить, кто послал к нему киллеров и... И подсказать этому человеку, где искать Панфилова.

Даже если он вновь уцелеет, я останусь вне подозрений. Это гениальная идея!»

Глеб Абрамович любил чувствовать себя гением. Он не упускал ни одного повода лишний раз убедиться в своей гениальности. Он с полным правом называл себя финансовым гением, поскольку стал одним из самых богатых людей в современной России.

Кто именно в России стоил сейчас дороже всех остальных, сказать было, пожалуй, невозможно, поскольку в состояние каждого из претендентов на подобное «звание» входило слишком много «черного», скрытого от налогов, а то и вообще криминального капитала. Поэтому аналитики лишь гадали, да и сами олигархи предпочитали не выстраивать самых богатых людей России в затылок в соответствии с толщиной их кошелька, а держались группой – первой десяткой, состав которой почти не менялся. А уж кто и какое место занимает внутри этой десятки – это их волновало мало.

Но в России сейчас немало финансовых гениев, не меньше десяти. Правду сказать, в нынешней России не надо было быть столь уж гениальным, чтобы прорваться в первую десятку.

Государство само подставлялось и принимало самые соблазнительные позы. И его имел каждый, в ком еще была потенция, каждый, кто хотел больших денег. В России нажить капитал – стоит только захотеть. Сильно захотеть, страстно, и тут же появятся возможности – не упускай их, и ты уже

наверху.

Глебу Абрамовичу было этого мало. Он хотел себя уважать, восхищаться собой, поскольку никто им по-настоящему не восхищался. Ему завидовали, его ненавидели, над ним смеялись, его боялись, презирали, ему старались понравиться, но никто, ни один человек, который его знал, им не восхищался. А Глебу Абрамовичу очень хотелось, чтобы им восхищался хоть кто-то.

И он воспользовался русской народной сентенцией, гласившей: «Сам себя не похвалишь – никто не похвалит!» Вывернув ее наизнанку и слегка перелицевав, Глеб Абрамович действовал теперь в соответствии с ней, и часто ему удавалось испытать чувство восхищения собой. Например, в такие моменты, как с этим Панфиловым, придумав хитрую интригу, разработав оригинальный ход, найдя эффективное решение проблемы.

Разве не оригинально? Панфилова убивают, но ГБ остается ни при чем – все сделано чужими руками. Белоцерковский не является ни заказчиком, ни соучастником, ни исполнителем, но его проблема будет решена – Панфилов умрет и унесет с собой его тайну, а вместе с ней и последнюю опасность и угрозу лишить его депутатской неприкосновенности. Да, это гениально!

Глеб Абрамович был очень доволен. Оставалось только вычислить, кто же пытался напасть на Панфилова. Кому он столь сильно помешал.

Люди, которые считали Белоцерковского слабым противником, очень сильно ошибались. Он умел просчитывать ситуации очень точно и делать на основании своего анализа удивительно правильные выводы.

А как же иначе? Иначе бы он никогда не сумел заработать столько денег, что купленным на них золотом можно было бы замостить Красную площадь.

Глеб Абрамович умел просчитывать наиболее вероятные ходы противника – недаром он вполне прилично играл в шахматы, на уровне международного мастера.

Шахматы он считал хорошей тренировкой для игры гораздо более сложной, но и гораздо более прибыльной, она называлась – российский бизнес. В нее играть было сложнее, поскольку правила практически отсутствовали.

Поэтому он считал, что вычислить противника Панфилова, жаждущего уничтожить того, не столь уж и сложно. Нужно только понять мотивы действий этого человека. Остальное – элементарно.

Что волнует сейчас людей так сильно, что ради этого они готовы «заказать» столь серьезного человека, как Панфилов? Ясно что – прежде всего деньги. И судя по всему – деньги чрезвычайно большие, такие, которыми рисковать нельзя, поскольку если они пропадут, то остается только пустить себе пулю в лоб!

Что значат для человека такие деньги, Глеб Абрамович понимал очень хорошо. Стоило ему представить, что он ли-

шился своего состояния, как жить просто не хотелось. Нет, нет и еще раз нет, он даже думать об этом не хочет!

Кто из людей, как-то связанных с Панфиловым, мог иметь такие деньги?..

Глеб Абрамович хмыкнул, выражая свою иронию в адрес самого Панфилова, который так и не смог сообразить очень простой вещи – он сам обладает информацией, которая стоит очень больших денег.

Это уже половина решения. Осталось только вычислить – о каких, о чьих деньгах идет речь.

Проблема не очень-то сложна. Стоило Панфилову вспомнить, для кого он искал видеозапись, которая хранилась у Белоцерковского, кому он ее в конце концов передал, и он сам бы все понял.

Ведь именно благодаря этой видеозаписи Лилия Николаевна Воловик получила наследство своего мужа. Белоцерковский не мог точно оценить состояние покойного банкира Генриха Воловика, но даже, по самым скромным его прикидкам, выходило что-то около сотни миллионов долларов. А Лилия Николаевна, помнится, была не единственной наследницей этих денег. До тех самых пор, пока загадочным образом не погиб сын Генриха Львовича от первого брака – Владислав.

Глеб Абрамович не располагал доказательствами о ее причастности к смерти приемного сына... Если бы располагал, он давно бы ими распорядился в своих интересах и так при-

жал бы молоденькую вдовушку, что миллионы потекли бы из нее весело звенящим весенним ручейком, впадающим в полноводную финансовую реку Белоцерковского.

Но ему и доказательств никаких не нужно, чтобы быть уверенным в том, что она причастна к этой смерти. Просто так, случайно, ничего в мире бизнеса не происходит. Если чья-то смерть кому-то выгодна, то можно не сомневаться, что этот человек приложил к ней руку.

А поскольку Панфилов был одно время в очень тесном контакте с этой самой Лилией Николаевной, то вполне можно предположить, что он тоже может обладать информацией о ее причастности к убийству одного из прямых наследников денег Воловика.

Если ему взбредет в голову «утопить» вдовушку, он найдет способ это сделать. Он может шантажировать ее сколько угодно и «доить» всю жизнь. У нее денег хватит. А если он настучит о ней в прокуратуру? Тогда Лилия Николаевна вообще всего лишится...

Да тут не только убийство закажешь! Тут своими руками начнешь головы отрывать, лишь бы деньги свои сохранить. Если для кого и опасен по-настоящему Панфилов, так это именно для нее, для Лилии Николаевны Воловик.

Вот с ней-то и следует установить контакт, а уж потом и с самим Панфиловым поговорить, подсказать ему, кто открыл на него охоту. Пусть тогда они разбираются друг с другом.

От Глеба Абрамовича требуется организовать их встречу,

но так, чтобы условия Панфилова при этом были крайне не выгодны.

И он, Белоцерковский, не будет убийцей.

Он будет мозгом этой операции, безжалостным, разящим насмерть мозгом.

Это достойно восхищения. Глеб Абрамович был очень доволен собой. Вот так, не сходя с места, не выходя из машины, ему удалось фактически решить весьма сложную проблему.

А кроме всего прочего, можно ведь и саму Лилию Николаевну подставить, повесить на нее убийство Панфилова, просто подсказав потихоньку ФСБ, кто и за что устранил Панфилова, а потом подсунуть видеосъемку этого события. Словом, хорошо привязать Лилечку Воловик к убийству. Что тогда?

Тогда она садится минимум на восемь лет, наследство передается в оперативное финансовое управление опекуну. Кто станет опекуном? Ясно, что один из членов первой десятки, кто ж еще справится с такой махиной денег, это понимают все, поймет и суд, который будет назначать опекуна. И значит, у Глеба Абрамовича появляются неплохие шансы стать этим опекуном и получить доступ к тем самым деньгам, которых он не заполучил из-за Панфилова.

Вот так-то! Все в мире развивается по спирали! Прав был этот... Кажется, Энгельс. Или Гегель? Впрочем, неважно, кто это сказал, важно, что это верно. По сути, то же гласит и библейское изречение: «Все возвращается на круги своя...»

И Глеб Абрамович должен вернуться к воловиковским деньгам, которые едва не уплыли у него из рук.

Панфилов помешал ему завладеть этим капиталом, Панфилов и поможет вернуть его.

Глеб Абрамович повеселел. Злость на Панфилова окончательно прошла. Какой смысл злиться на человека, который своей жизнью вымостит дорогу к огромным деньгам. Ведь если это Глебу Абрамовичу удастся (а не удастся эта операция просто не могла!), он станет явным лидером среди самых богатых в России людей. Это будет уже запредельная высота, которая для ГБ гораздо привлекательнее, чем высота политическая.

Какой смысл быть, например, президентом России и иметь при этом дырявые карманы? Да еще и обороняться ежечасно от нападков политических противников, норовящих спихнуть тебя с занятого тобой места, уничтожить тебя. Белоцерковский предпочитал политической власти власть денег.

Политика – служанка капитала, а не наоборот. Это Глеб Абрамович усвоил четко, еще когда учился в советском вузе, на лекциях по политэкономии капитализма. Он и теперь мог подтвердить правильность этого утверждения.

Делают политику политики, но заказывают ее настоящие хозяева России, они, первая десятка, такие, как он, Глеб Абрамович Белоцерковский.

– Шульгин! – произнес он, очнувшись от размышлений. –

Найдешь Лилию Николаевну Воловик и установишь за ней круглосуточное наблюдение. Отследишь ее контакты с криминальным миром. У нее должны быть такие контакты, иначе быть не может. Самим в контакт не вступать ни при каких обстоятельствах! Только наблюдение, только информация... Да! Панфилова тоже ни в коем случае не трогать. Мне не нужны никакие скандалы и разбираловки, особенно на уровне Генеральной прокуратуры! Наши руки должны быть чистыми. Твои руки, Шульгин, твои руки должны быть чистыми! И не скрипи зубами, как будто тебя глисты одолели! Сейчас твоя главная задача – Лилия Воловик и ее контакты. Как только мы с ней разберемся, придет черед и этого психа из Запрудного подключать. А тогда и повеселимся! Все понял?

– Все понял, шеф! – кивнул Шульгин.

Но сказал он это без всякого энтузиазма. Он был явно недоволен решением Белоцерковского. В нем клочкотала обида на свою судьбу подчиненного и ненависть к Панфилову.

«Я все понял, шеф! – повторил про себя Шульгин. – Но если с Панфиловым вдруг произойдет несчастный случай? При чем здесь я?»

Глава 6

Лилечка Воловик мучилась неразрешимой проблемой. Она не могла придумать, куда ей истратить десять миллионов долларов, которые она решила «прогулять», чтобы потешить свою душу, исстрадавшуюся вынужденным финансовым воздержанием за то время, пока она не стала обладательницей крупнейшего в России состояния.

Истратить эти деньги можно было легко. Купить, например, какой-нибудь островок, скажем, в Адриатическом море или что-нибудь в Ионическом архипелаге. Но что ей делать с этим островком потом, когда спустя две-три недели он ей осточертеет? Нет, она хотела потратить эти деньги так, чтобы доставить себе удовольствие, о котором потом не стала бы сожалеть.

К ее удивлению, это оказалось сложнее, чем ей представлялось. Едва она придумывала что-нибудь сногшибательное, вроде личного участия в одном из экипажей «Discovery» в качестве первой в мире «космической туристки», как ее начинали одолевать сомнения – а будет ли это в самом деле интересно? Скука ведь смертная – все эти предполетные подготовки, медицинские тесты, бесконечные инструкции... Да и что она не видела в этом космосе? Нет, ну его к дьяволу, этот «Discovery»!

Купить дом в Санта-Барбаре? И что дальше? Умирать со

скуки в этом доме? Наверняка жизнь в калифорнийском курортном городишке совсем не такая, какой ее изобразили в бесконечном занудном сериале. Она и в сериале-то однообразная до ужаса.

А на черта это ей нужно?

Лилечка оказалась слишком искушенной гедонисткой, чтобы справиться со свалившейся на нее проблемой. У нее даже голова разболелась.

А тут еще ремонт купленного для нее еще Генрихом Львовичем дворца в Венеции. Зачем он ей понадобился? Сейчас она с недоумением вспоминала, сколько усилий пришлось ей приложить для того, чтобы уговорить покойного мужа купить ей этот «палаццо» – средневековые развалины, заросшие мхом и паутиной.

Тогда у нее была цель – получить от скупого Воловика хоть что-то существенное, что будет принадлежать лично ей. И она своей цели достигла.

Потом, когда Генрих Львович неожиданно пропал самым таинственным образом, у нее появилась другая цель, даже две цели – разыскать свидетельства его смерти, чтобы вступить в право наследства, и устранить со своего пути Славику, сына Генриха Львовича от первого брака.

Этих целей она достигла. С помощью Панфилова и его странного друга, который поглядывал на нее столь плотоядно. И теперь у нее нет ни одной цели, которая делала бы ее жизнь осмысленной.

Так жить Лилечка не могла, не умела. Она всегда чего-то добивалась, потом ставила себе новую цель и вновь ее добивалась. Она не могла терпеть бесцельной жизни. А именно такую жизнь она вынуждена терпеть сейчас. Тоска!

И вдруг ее словно молнией ударило. Панфилов! Он знает о том, что Славика убили по ее приказу. Может быть, у него есть и доказательства ее причастности к этому убийству? Впрочем, нет, это ерунда, какие могут быть доказательства у Панфилова?

И все же, и все же. Береженого бог бережет. Если Панфилов в самом деле знает о ее тайне, он непременно воспользуется этим слабым местом российской миллионерши Лилии Николаевны Воловик и начнет ее шантажировать. Сама Лилечка на его месте непременно так и поступила бы.

Еще хуже, если он договорится с кем-то из ее врагов, вернее, с кем-то из врагов ее денег, и начнет ее «топить». Лилечка с трудом представляла конкретно, как деньги «работают» и производят новые деньги, но что у денег могут быть враги, она понимала очень хорошо. У больших денег всегда есть враг – столь же большие деньги. И рано или поздно эта вражда приводит к открытому столкновению, в результате которого одна куча денег поглощает другую, присоединяет ее к себе.

Лилечка не хотела, чтобы ее деньги присоединил к своим деньгам кто-то другой. Она знала, что в наибольшей безопасности находятся те деньги, о происхождении которых никто

ничего не знает. Необходимо максимально обезопасить свой капитал, исключить ситуации, когда информация, известная Панфилову, может стать известна другим людям, тем, которые захотят завладеть ее деньгами.

Лилечка сделала очень простой вывод – Панфилову нужно закрыть рот навсегда.

Она вызвала главного своего подручного Алексея Сургучева и приказала ему установить, где в данный момент находится Константин Панфилов по кличке Жиган. Зачем он ей понадобился, Лилия Николаевна не объяснила, а тот не спросил. Это было нормой ее общения с главным помощником: она никогда не объясняла своих приказов, и Сургучев научился не задавать лишних вопросов.

Через неделю тонкая папка с подробным описанием событий в Запрудном и той роли, которую сыграл в них Панфилов, легла на стол Лилии Николаевны. Было в ней и точное указание местопребывания Панфилова, и даже фамилия его лечащего врача.

Найти людей, которые взялись бы за ликвидацию человека, которого она укажет, для Лилечки не было проблемой. Один из ее бывших любовников, Рустам, снабдил ее телефонами охранных агентств, которые берутся за любую работу, вплоть до той, которая противоположна самой сути их профессии.

Одевшись самым демократичным образом, Лилечка Воловик посетила директора одного из таких агентств и за де-

сять минут обо всем договорилась. Она отдала аванс в пять тысяч долларов, вернулась домой и стала ждать, когда ее заказ будет выполнен.

Однако прошла неделя, а от ее подрядчиков не было ни слуху ни духу. Условное объявление в «Вечерней Москве», которое должен был дать директор агентства, выполнив заказ, не появлялось.

Лилечка послала Сургучева в больницу, в которой лежал Панфилов, и тот, вернувшись, сообщил ей, что интересующий ее человек пропал, исчез из палаты, а вместо него на его кровати был обнаружен труп неизвестного мужчины. Оpoznать убитого милиции так и не удалось.

Новости Лилечку озадачили и встревожили. Она поняла, что сделала неверный ход. Панфилов теперь знает о том, что его кто-то намерен убить, и будет вдвойне осторожен. Охранная фирма, киллеры из которой не смогли выполнить ее заказ, на нее выйти не сможет, отсюда опасности Лилечка не ждала. Этот момент она заранее продумала.

Она уверена была, что ее не выследили, когда она возвращалась из агентства, поскольку подстраховалась и самым тщательным образом проверила, нет ли за ней слежки. Связь с ней у директора агентства была односторонней – она могла ему позвонить, а он ей нет.

Но больше всего ее беспокоило теперь то, что Панфилов мог догадаться, кто заинтересован в его смерти, и заявиться к ней сам. Общаться с этим головорезом Лилечка не испы-

тивала никакого желания.

Если бы ее спросили, в какой ситуации она хотела бы увидеть Константина Панфилова, она ответила бы без раздумий – в морге на опознании.

Лилечка отправилась в Париж и на три дня выбросила из головы все неприятности, связанные с Панфиловым. Но сегодня, возвращаясь из Шереметьева, она обратила внимание на светло-серый джип, который следовал за ее машиной от аэропорта до самого дома на Тверской. И дома, уже переодевшись и приняв душ, она не могла отделаться от ощущения чьего-то взгляда.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.